

не владея в конечном счете ничем
между землею и небом,
кроме памяти и этого времени,
и решив написать завещание,
я пишу, сбрасывая с себя
это
время:
я завещаю вам Время — все Время.

Стихи Элисео Диего точно сходятся с его духовным обликом — открытостью, искренностью, интересом к людям, странам, убежденностью в правоте человека, создающего мир не только своими руками, но и трудом души своей. Заметки эти мне хочется закончить стихами о моем друге — замечательном кубинском поэте:

Да, есть Поэт, он дружен со временем,
— так чисто
Оно в его напевах воркует и лучится,
как будто Время — птица, которая
на плечи
садится к этой мудрой неторопливой
Речи
и ластится к Поэту с бородкою корсара,
а выглядит Диего ни молодо, ни старо,
вот он идет навстречу (в Москве
или Гаване),
на нем гуайавера, пяток сигар в кармане,
слова текут лениво, но каждое весомо,
с ним просто и надежно,
как будто бы ты дома,
он говорит чуть странно
и так же странно пишет,
но он и сам чуть странный,
а пишет он как дышит...
Я об одном мечтаю, чтоб в эту пору
снега
друзей побольше стало у доброго Диего.
Он прошлою зимою в Москве на
рождество
читал мне свою книгу. Я полюбил его.

ПАВЕЛ ГРУШКО

«СКРОЙСЯ, ВЕЩИ!»

Raymond Jean. La femme attentive. Paris, Éditions du Seuil, 1974.

« кружевном отделе давка с каждой минутой все возрастала. Грандиозная выставка белых товаров достигла здесь своего апогея в ослепительной белизне тончайших драгоценных кружев. Это было наиболее опасным искушением, желания бешено разгорались, женщины прямо сходили с ума. Отдел был превращен в белую капеллу. Тюль и гипюр ниспадали сверху, образуя белое небо, легкую завесу облаков, застилающую своею тонкой сетью утреннее солнце. Вокруг колонн, в белом трепете простершись до самой земли, спускались волны... кружев, похожие на пачки балерин. На всех прилавках, со всех сторон блистала снежная белизна испанских блонд, легких, как дуновение ветерка, брюссельских аппликаций, с крупными цветами на тонкой основе, кружев ручной работы и кружев венецианских, с более тяжелым рисунком, алансонских и брюггских, блиставших царственным и поистине церковным величием. Казалось, здесь находится жертвенник какого-то божества женских нарядов».

Так ярко живописал Эмиль Золя в романе

«Дамское счастье» крупнейший магазин прошлого века.

Открыв новую книгу прогрессивного французского писателя Раймона Жана «Внимательная женщина», мы снова попадаем в огромный универмаг, но уже ультрасовременный, являющий собой еще более гигантскую ярмарку товаров по сравнению с магазином, оживающим перед нами на страницах «Дамского счастья». За прошедшее столетие владельцы больших магазинов научились действовать куда изобретательнее и изощреннее своего ловкого и хищного предшественника Октава Муде, безжалостно эксплуатируя человеческие слабости, вкусы и быстро меняющуюся моду. словно громадные пауки, подобные универмаги расставляют на каждом шагу сети, терпеливо дожидаясь своих жертв Эти торговые колоссы — своего рода символ «общества потребления», где царствует «вещь», где все призывает потреблять и покупать.

Художественные средства, использованные в романе «Внимательная женщина», отчасти напоминают приемы, уже опробованные Р. Жаном в предыдущей книге — повести «Двенадцатый маршрут» (1973), рассказывающей о тяжелой участи рабочих-эмигрантов во Франции. Повесть эта, в которой писатель обратился к столь острой для страны проблеме, имела большой успех.

«Двенадцатый маршрут» начинается с подробнейшего и как будто бесстрастного описания автобуса и его пассажиров, среди которых едет и герой, рабочий-алжирец по имени Мехди. Кажется, ничто не предвещает драматических событий, и тем не менее мы чувствуем: вот-вот что-то случится. И чем дальше — внутреннее напряжение становится все более ощутимым. Наконец это «что-то» происходит — зацепкой же служит невинная просьба героя, обращенная к водителю: открыть дверь автобуса, попавшего в пробку. Долго сдерживаемая пружина стремительно распрямляется — события следуют одно за другим, и конфликт, возникший на пустом месте (его бы просто не было, если бы речь шла о французском рабочем), завершается судебным процессом, в результате которого Мехди приговаривают к уплате непомерно высокого штрафа.

Роман «Внимательная женщина» также начинается с обстоятельного, похожего на замедленную съемку, документально точного описания — на сей раз магазина-гиганта, куда забрела без копейки денег героиня. Страницы эти занимают целую треть книги. Употребляя краски гораздо более сдержанные, чем в свое время Золя, и не скрывая горькой иронии, воссоздает Р. Жан атмосферу, царящую в универмаге: калейдоскоп товаров, зазывалы, рекламирующие дешевую распродажу, покупатели, «слепые и глухие, словно автоматы», снующие вверх и вниз по многочисленным эскалаторам. Да и сама героиня — автор сообщает нам только ее имя — ничем не выделяется из этого потока обезличенных потребителей.

Как завороченная переходит Вероника из отдела в отдел, не в силах оторваться от

ярких, удобных и красивых предметов, которых ей так не хватает. Эти «вещи» зовут и притягивают, они кажутся столь доступными, их можно рассмотреть, ощупать, примерить, и никто на вас не обращает внимания, да и продавцов не видно вокруг. «В больших магазинах кражи совершаются каждый день. Позавчера она сама читала об этом в газете. Конечно, это не повод, чтобы вести себя так же, но ведь чаще всего люди воруют вещи не крайне нужные, а бесполезные, владеть которыми просто приятно...»

Скрытая напряженность возрастает. Как и при чтении «Двенадцатого маршрута», мы уверены: сейчас что-то произойдет. И вот неизбежное совершается. Преступница-жертва еще и сама не ведает, что капкан захлопнулся. Она тешит себя надеждой, что ее кража осталась незамеченной, да она и не осознала еще, что совершила кражу. Вероника действовала в этот миг, словно зачарованная и загнипнотизированная сказочным изобилием товаров. Вещь, перед которой она не смогла устоять, — будильник. Не предмет роскоши, а вещь, необходимая в каждой семье. С тех пор как у них в доме испортился будильник, Вероника уже много месяцев плохо спит по ночам, боясь утром проспать. А вставать ей приходится рано — нужно вовремя накормить завтраком мужа, отправляющегося на работу, и проводить в школу сына.

Но за каждым покупателем следят невидимые глаза — владельцы магазинов специально нанимают целый штат тайных агентов, которые выслеживают злоумышленников. Один из таких агентов наблюдал и за Вероникой. Профессиональное чутье сразу подсказало ему, что в какой-то момент она не выдержит и поддастся искушению; ему даже хотелось предупредить ее о нависшей над ней опасности, но это не входит в его обязанности.

За содеянное Веронике грозит или громадный штраф (1200 франков — причем заплатить их нужно немедленно), или тюрьма. Запугав Веронику, агент начинает ее шантажировать. В конце концов, готовая любой ценой избежать огласки, скандала и позора, который неминуемо отразится на служебном положении мужа, растерявшаяся женщина соглашается встретиться со своим преследователем. Но, оказавшись наедине с ним в загородной гостинице, Вероника словно пробуждается вдруг от своего оцепенения и убегает. На следующий день ее арестовывают и она попадает за решетку.

Как и в «Двенадцатом маршруте», мелкий, незначительный случай, подмеченный и выделенный автором среди множества подобных, вырастает в драматический конфликт, обусловленный и порожденный совсем не случайными обстоятельствами.

Время, проведенное в тюрьме, явилось для Вероники своего рода «жизненной школой». Она столкнулась здесь с миром, о существовании которого до сих пор даже не

подозревала. И впервые задумалась о своем существовании, о жизни в плену заведенного порядка, в плену «вещей», о беспросветном однообразии каждодневных обязанностей, о своей духовной изоляции и одиночестве. Чем же, в сущности, отличалась ее прежняя жизнь от теперешней — в тюрьме, где царит та же отупляющая монотонность и вынужденное подчинение порядку, который она не вправе нарушить? Но здесь она впервые встретила людей, готовых ее выслушать, проявить сочувствие, понять. Именно в тюрьме, благодаря соседкам по камере, этим наркоманкам, проституткам и воровкам (у каждой из них за плечами своя печальная история, которая привела их в тюрьму), Вероника узнала, что такое дружба и солидарность — чувства, до сих пор ей неизвестные. «Ей кажется, что она поняла. Что? Она еще и сама не знает. Но это как луч света, упрямо бьющий в глаза, от которого невозможно отвернуться».

Раймон Жан умышленно оставляет что-то недоговоренным — мы понимаем: процесс познания жизни и формирования героини как личности только начинается. Вероника — на пороге новых прозрений. Глаза ее широко открыты, и она внимательно всматривается во все, что ее окружает.

П. Боборькин назвал в свое время «Дамское счастье» Золя «трезвым исследованием жизни». Трезво исследовать жизнь и те проблемы, которые порождает современное буржуазное общество, — эту задачу ставят перед собой многие французские писатели наших дней. И заостренная социологичность, свойственная книгам таких литераторов, как Ж. Перек, Э. Базен, Ж.-Л. Кюртис, Р. Мерль, Р. Жан, выдает их стремление как можно скорее, не откладывая на будущее, подвергнуть критическому анализу конкретные стороны действительности и требующие немедленного решения набравшие вопросы.

Внимательно, как и его героиня, вглядываясь в жизнь общества, Р. Жан в своих произведениях смело выявляет его недуги. В романе «Внимательная женщина» писатель — вслед за Э. Триоле («Розы в кредит»), Ж. Переком («Вещи») и другими — в подчеркнуто социологическом ключе исследует проблему человеческой личности в обществе потребления и выносит приговор миру, где безгранично властвует вещь. Недаром эпиграфом к роману Р. Жан избрал лозунг, часто звучавший во Франции в майские дни 1968 года: «Скройся, вещь!»

Критики, высоко оценившие новую книгу Р. Жана (премия «Полюист» за 1975 г.), выражают надежду, что рассказанная в ней история духовного пробуждения героини (ведь недаром украденная ею вещь была именно будильником) заставит и многих французов пробудиться от морального и политического оцепенения, мешающего им критически и без иллюзий взглянуть на себя и свое окружение.

Н. П.